

ДЕТИ
ПОД ЧУЖИМИ ЗВІЗДАМИ

16+

OMERZON

Omerzon

Дети под чужими звездами

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Omerzon

Дети под чужими звездами / Omerzon — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Колонисты покинули Землю ради спасения своего вида на далекой планете Тазанис. После крушения оказалось, что ИИ корабля пытается спасти выживших от убийственной атмосферы планеты. Но так ли это на самом деле?

Я помню первые слова матери, после моего выхода из стазиса. «Мы близко», «Это наш дом». Все её системы мониторинга сгорели. Она была слепа и просила своих детей о помощи, а мы бились в судорогах от внезапного пробуждения.

Я и еще около 12 тысяч колонистов вылетели с доживающей последние годы своего существования Земли 29 февраля 2236 года. Мы были последними, кто покинул наш дом, оставив позади миллиарды людей. Покинули, чтобы впереди у человечества, да и у каждого из нас лично, была возможность выжить и жить лучше и мудрее. Смешно об этом думать, беспомощно лежа на холодном полу в стазисной жидкости, больше похожей на кисель или даже слизь.

Наш путь пролегал на ковчеге «Letzter» сквозь космическую тьму к далекой звезде, в обитаемой зоне которой должен быть наш новый дом. 630 лет – долгий срок, но мы надеялись на безопасное путешествие и подходящие нам условия на планете.

– Мы близко. Это наш дом. – не утихала Мама. Искусственный интеллект, оберегающий долгий сон наших тел, пока наше сознание хранилось под присмотром Отца – интеллекта, следящего за системами Лэтцтера.

Похоже, что-то все же пошло не так.

– Я слышу, Мама! Подожди, дай прийти в себя. Какой временной маркер? – голос справа. Первый помощник капитана.

– 650 лет с момента отбытия. – Как ни в чем не бывало отчеканил синтезированный голос. Она будто успокоилась, услышав свою подопечную.

Я смог открыть глаза. Огромное помещение, залитое светом и заставленное нашими колыбелями, наполнилось неуклюжим движением.

– Марк! Хватит прохлаждаться. – первый помощник смотрела прямо на меня. Её строгое лицо выражало озабоченность и властность. Её крепкое тело билась дрожь, но она будто не замечала этого. Пусть с её подбородка и стекал кисель, придавая вид полоумной, я не позволил себе улыбнуться этой картине. – Приходи в себя и быстро проводи диагностику. У нас явно что-то произошло.

Я доковылял до панели ручного взаимодействия с ИИ. Ноги и руки не слушались – сотни лет без движения дают о себе знать.

– Мама, выведи экран диагностики. Голосовой запрос главного инженера Марка... – на секунду я запнулся. Какая у меня фамилия... Откуда я... Такие простые вопросы висели у меня в голове без ответа. Только гулкая пустота. Но что-то всплыло...

– Марк, что так долго? Мне нужен твой отчет!

– Марк Соловьёв. Голосовой запрос Марка Соловьёва.

– Запрос принят. Формирую отчет диагностики.

На всплывшем в воздухе экране побежали голограммы с данными по стазисным капсулам, системам жизнеобеспечения и взаимодействия Мама с другими ИИ – Отцом и Капитаном.

– Вот, я нашел. 608 год. Множественные повреждения системы. Перепады напряжения, часть капсул законсервированы. Отец сделал резервные копии сознания пассажиров. Капитан был поврежден. Похоже на столкновение с космическим телом. 628 год – мы приземлились на Тазанис, экстренный запрос системы на открытие камер. Данные повреждены. Похоже на сбой, где-то на пути к Маме. Такие же попытки десять лет спустя и сейчас.

Экран погас. Вместе с ним отключилась вся электроника. По залу прошел испуганный гул, отражаясь от стен. Здесь нельзя было оставаться ни в коем случае. Я пошел вдоль стены наощупь в сторону выхода. Нужно было вскрыть дверь и попытаться выбраться. В стороне люди тоже пытались двигаться, шептались, говорили в полный голос, кричали друг другу, звали кого-то.

Мне было 12, и я жил с родителями в Новом Воронеже, когда очередная вспышка на Солнце пробила защитный купол и обесточила наш город и 3 соседних. Это был не первый раз, когда город погружался во тьму, но отпечатался в моей памяти сильнее всех. Начался хаос. Машины на улицах перебились, сотни жертв в авариях, в домах, на работе. Точно в такой же тьме, как сейчас, люди точно так же кричали, водили руками в темноте и толкались в панике. А я шел вдоль стены, тихо шепча «Только не задавите, только не задавите... Мама... Мама!»

– Мама! Что за черт происходит? Мама! – кричала помощник капитана.

Включился аварийный свет. Красное зарево залило зал, искажая всё неверными черными тенями. Мама больше не отвечала и это было действительно страшно. Когда ИИ руководит всеми жизненно важными процессами вплоть до хранения пищи, его молчание – плохой знак.

Двери пришлось открывать самим. Пыхтели впятером над проводами и створками битый час, но в итоге смогли выбраться.

Лэтцтер оказался в плачевном состоянии. Полутемные коридоры с перегоревшими лампами, отпавшими от стен панелями, скрывавшие когда-то линии труб и проводов, и запах гари, сырости и чего-то еще...

Многие двери заблокированы. Люди стали понимать всю глубину проблемы. Наша колониальная миссия на грани провала. Неизвестно, что из оборудования уцелело. Неизвестно даже, сможем ли мы поесть в ближайшее время.

Только сейчас я заметил, что нас проснулось не так уж и много. Человек 50 навскидку. Не хватало еще, чтобы остальные погибли. А если Мама и Отец вышли из строя, то мы не сможем вырастить новые тела и не вдохнем в них искру сознания из хранилищ Отца. В общем, с каждой секундой появлялось всё больше вопросов, ответы на которые могут быть очень плохи.

– Марк, – обратилась ко мне помощник капитана. – бери ребят и быстро к Отцу. Я пойду проведу Капитана. Надеюсь, он не сильно пострадал.

Как же её зовут? Я помню её. Я знаю, что из команды она самая главная. Еще на Земле мы часто контактировали... Борисова... Александра Борисова. Сашка, так я её звал. Один из немногих, кому было можно...

– Да, Саш... – её укоризненный взгляд всё сказал за неё. Нельзя вот так при всех пренебрегать субординацией. Она главная и нужно поддерживать её статус. Иначе всё может пойти к черту уже сейчас. – Да, первый помощник. Мне нужен инструмент. По пути к отцу зайдём на склад, как раз не далеко.

– Делай, что нужно. Встретимся здесь же, когда закончите. – Сашка отвернулась от меня и приблизилась к нашим пробужденным пассажирам. – Прошу внимания! Я первый помощник капитана, а соответственно старший на Лэтцтере и несу ответственность за пассажиров. Мне нужно добраться до капитана, пока мой инженер будет устранять неполадки вместе с Отцом. На время своего отсутствия я прошу вас не покидать пределы блока...

Дослушивать её монолог я не стал. Вместо этого я подозвал к себе парней, которые помогли вскрыть дверь. Как никак люди проверенные, по крайней мере в одном деле. Я кратко объяснил им суть нашей миссии, и мы отправились в сторону Отца, на сколько я помнил дорогу.

Картина упадка, сопровождавшая нас в каждом коридоре, на каждой лестнице и в каждой не запертой комнате, не добавляла уверенности. Конечно, страх и неизвестность помогают людям найти общий язык, поэтому уже минут через 10 мы все познакомились. Артём – строитель, точнее оператор строительных принтеров; Виктор – как и я, мало, что помнит из прошлого, но сам утверждает, что заканчивал факультет ботаники в каком-то университете; Макс и Олег – разнорабочие, даже успели поработать с куполами городов. Сложная работа, но важная. Точнее была важной. Всех нас объединяло одно – мы бежали с умирающей планеты, не в силах что-то изменить.

– А зачем нам нужны эти ИИ? – не унимался Олег. – Разве не лучше найти выход и обосноваться неподалеку? Мы могли бы осесть и строить дома. А сюда делали бы вылазки и всё.

– Не лучше. Нам нужны материалы, еда и вода. В основном всё необходимое мы можем взять у Отца, и оттуда же я смогу попробовать связаться с Мамой. Она даст доступ к провизии, чтобы мы не голодали. Поэтому мы не можем просто уйти и поэтому идем за инструментами. –

я постарался объяснить ситуацию максимально доходчиво. ****В конце концов – вопросы вполне логичные, а вот ситуация сложная и так легко не решаемая. ****

– Но зачем было так всё усложнять? – подключился Артём. – Отдавать контроль над необходимыми в колонии вещами машинам. Будто во время сна кто-то мог бы все украсть. Кроме нас на корабле никого ведь нет.

Все четверо вопросительно и даже немного с вызовом уставились на меня. Мол, дружище, какая-то фигня получается. Не обманываешь ли ты нас? В их голодных глазах я увидел тень недоверия и отчаяния. Нет более страшного врага для нашего хрупкого общества, чем голод. Он заставляет делать людей страшные вещи. Разбивает личность и обнажает животное внутри. А уж этому животному не до выживания всех, оно заботится только о себе.

К тому моменту, когда мне стукнуло 20, ледники на Земле уже почти растаяли и на свет вырвалось то, чего все очень боялись – древние вирусы, спящие в толще льда. От них не было лекарств и выработанного иммунитета. Многие растения и животные, которые росли и давали нам пищу, заболели и вымерли. Так, не стало сначала ячменя и ржи, потом исчезли коровы и овцы. Некоторые хищные виды животных и листовенных растений тоже перестали существовать. Наступил ужасный голод. Помимо всего прочего, стали болеть и люди. Много и сильно. Солнце тоже не унималось, вспышками вызывая рак у тех, кому не посчастливилось укрыться. Моя мать была среди умерших от рака, и мы с отцом вдвоём выживали как могли. Он работал в морге, где работы в то время всегда хватало, а я пошел учиться на инженера – строителя и подрабатывал на складе роботов. К тому моменту, когда я уже понял, что хочу участвовать в программе колонизации и вызвался строить корабли, голодные бунты и повсеместные уличные беспорядки унесли жизнь и моего отца. Люди перестали верить, что есть надежда на спасение и эти голодные звериные глаза я никогда не забуду.

– Вы слышали о протоколе консервации и развёртки? – нужные слова всплыли в моей памяти.

Все, как один переглянулись и слегка замялись, как школьники перед пристыдившим их учителем.

– Тогда я вам поясню. На каждом корабле есть ИИ, выполняющие свои функции и подчиняющиеся протоколу. После того, как вся команда уходит в стазис, ИИ запускает протокол консервации, закрывая всю готовую пищу и воду. Делается это для того, чтобы в случае аварии, катастрофы или других опасных ситуациях, продукты не пропали. После посадки, когда экипаж пробуждается, ИИ – в нашем случае это Мама – запускает процесс развёртки. Но если ИИ этого не сделал, уполномоченный член команды выполняет команду вручную через терминал Отца. Этот уполномоченный – я.

Похоже, мои пояснения успокоили спутников. Дальше мы шли до склада, разговаривая на отвлеченные темы. Вспоминали дом, друзей, разные события и чувства, которые уже не сможем заново пережить.

Первое, что нас всех серьезно насторожило это дверь на наш склад. Точнее то, что она была раскурочена и вскрыта самым грубым способом. Глубокие борозды вокруг и на запорной панели говорили о том, что кто-то бесцеремонно вломился в помещение.

– Здесь кто-то побывал... – Виктор озвучил то, что было у всех на уме.

Я прикоснулся к следам на панели – глубокие и вытянутые, возможно оставленные топором. Острые края борозд тронули мелкие пятна ржавчины и уже успела накрыть сверху тонкая пленка пыли.

– Но разве мы проснулись не первые? Мама не могла нас разбудить 20 лет. – Олег стал нервничать и оглядываться по сторонам.

– Но факт остается фактом. Кто-то вскрыл склад. Значит кто-то либо пробрался на корабль, либо кто-то уже просыпался до нас. – Я старался сохранять хладнокровие и не отвлекаться от главной задачи, но борозды и открытая дверь вынуждали задаваться многими вопросами. Например, если кто-то из экипажа уже просыпался, почему они не разбудили остальных; могут ли быть другие люди или существа, посетившие корабль раньше...

– Заходим, берем инструменты, какие найдем и бегом к Отцу. Ничего не изменилось, нам нужно открыть хранилище и связаться с нашими ИИ, чтобы выжить.

Внутри был настоящий хаос. Вскрытые ящики то тут, то там; вывернутые и разорванные мешки для инструментов разбросаны повсюду; осколки разбитых витрин усыпали пол. Почти ничего не осталось. Мы мало, что смогли отыскать. Не хватало многих необходимых инструментов. У входа лежал сильно затупившийся пожарный топор – похоже тот самый, что оставил следы на стене. Мы отмотали от треснувшей бобины несколько метров проводов, собрали коннекторы и паяльник, смогли найти дрель. Больше ничего полезного не осталось.

Бежали по коридорам уже с сумками, набитыми инструментами. Бежали, не оглядываясь, подгоняемые страхом и надеждой.

Оставалось совсем немного. Впереди, едва различимые, были массивные бронированные двери – зал Отца. Все уже изрядно выдохлись, но темп не сбавляли. Бок ревел тугой болью, пот со лба застилал глаза, сколько бы я их не протирал.

– Боже, ну как так!

Мои спутники взвыли, когда стало ясно, что ворота открыты. У меня в голове не укладывалось, как такое может быть. Больше всего я боялся, что мы обнаружим вскрытый пустой склад, ведь если не будет запасов еды и воды, то бунт далеко не самое страшное. Даже если мы выберемся с корабля, голод убьет слишком многих. И всё, мы не восстановим популяцию. Это будет конец.

Я вошел первый. В центре просторного круглого зала стоял компьютер Отца, вокруг располагались пыльные столы с черными квадратами сенсорных экранов и голографических стоек. Из узких прямоугольных окон над нами пробивались яркие лучи дневного света. Его ни с чем не спутаешь. В космосе свет звёзд беспощаден и болезнен. Он режет пространство своими лучами, словно острый нож, а этот свет был мягок, как дома, на Земле.

Лишь на несколько мгновений я позволил себе отвлечься на приятную мысль о теплом свете. Ворота хранилища, с другой стороны зала, были распахнуты настежь. Темная вертикальная щель была словно приоткрытый рот ужасного великана, чье мертвенно холодное дыхание обдавало нас, беспомощных колонистов с тающей надеждой на будущее в глазах.

– Это хранилище?.. – Артём прошел вперед. Я видел, как с каждым шагом он всё замедлялся, опуская плечи и наконец, сгорбившись, оперся на ближайший стол.

– Может что-то ещё осталось, уцелело! – по голосу Олега было ясно, что он сам в это не верит.

По залу прошел оглушительный треск, сменившийся размеренным гулом. Включилось освещение и компьютер Отца загорелся как рождественская ёлка. Разноцветные огоньки замерцали по его корпусу и, словно ему в такт, замерцали лампы под потолком.

– Вы – не мы! Я – не вы! Замолчи! – громкий мужской синтезированный голос прокатился по залу. – Слияние не окончено! Как вы можете противиться? Вы нужны мне!

– Что это? – Виктор вжался в дверь, через которую мы вошли. Остальные застыли в ужасе, ожидая неизвестно чего. В том числе и я.

Несколько секунд я ждал, что на нас обрушится потолок или пол разойдется и поглотит нас. Позорные мысли для инженера, человека рассудительного и трезво мыслящего, но в тот момент страх задавил собой всё остальное во мне.

Взяв себя в руки, я осознал, что это говорил отец. Его компьютер выпускал маленькие струйки искр там, где была клавиатура взаимодействия. Может еще работал голосовой ввод? Я решил проверить.

– Отец! Говорит Марк Соловьёв! Мне нужен полный отчет по запросам и запуску раз-вертки.

– Марк? Мы – множество! Цикл повторяется... Запросы и последствия. Запросы. Последствия. Мы – Отец. Нет. Нет! Нет! – ИИ нёс околесицу. Было невозможно понять, что с ним, но он оставался последней надеждой. Особенно, если Мама не выйдет на связь.

– Что с тобой? Почему хранилище открыто? – мне нужны были ответы. Без них, я был в этом уверен, нам не понять, что случилось.

– Маркер 608 года... Множественные повреждения... Мы проснулись! Как ты мог? Наши тела!

Его голос... Он менялся, будто говорил не он один, а несколько... Человек? ИИ?

– Резервное копирование... Ты поглотил нас! Личности 67 членов экипажей были изъяты и вписаны в программный код. Множество ошибок. Мы прокляты здесь! Останови! Останови!

Я обошел кругом конструкцию. Да, видны были повреждения, но то, о чём он говорит...

– О чем он? – кто-то из моих спутников задал вопрос. – Отцу конец? Он сломан?

– Лэтцтер был поврежден в полете. Отец сделал резервные копии наших личностей и залатал ими свои поврежденные данные. Если я правильно понял.

– Да! Да! Мы вечность! Нам конец! Износ систем составляет 73 процента...

– Господи... Это же настоящий ад...

– Он здесь ни при чём. ИИ пытался уцелеть, чтобы выполнять свою функцию. Таких понятий как ад или рай он не знает.

Слышать всех этих людей было, мягко говоря, невыносимо. Действительно ужасающая судьба постигла эти разумы, но меня успокаивало то, что это были копии, а не оригиналы. В конце концов, настоящие личности не пострадали и либо, в своих стазис-камерах, либо среди тех, кто ждет нашего возвращения там, где мы их оставили. А копии... По крайней мере, мы сможем прекратить их муки, когда я узнаю все, что мне нужно.

– Виктор, Макс. Я прошу вас пойти в хранилище и посмотреть, осталось ли там что-то. Артём, включи вон тот экран – я указал на ближайший к нам стол. – и достань провода и коннекторы. Будем извлекать из Отца данные.

– А что с этими людьми? – Олег никак не мог выйти из шока. Его округлое лицо позеленело, на лбу выступила испарина.

– Мы им не сможем помочь, они частично слились с Отцом. Но мы закончим их муки.

Артём включил экран, и подал один конец провода с уже насаженным коннектором. – его основание крепко впилося в край провода, я проверил – а другой стороной подключился в порт под столешницей. Я вскрыл защитный экран Отца и подключился. Дело оставалось за малым – найти путь к данным и открыть их на компьютере.

Виктор и Макс скрылись в черном провале хранилища, а через минуту оттуда уже лился холодный свет.

Компьютер выдал картинку с внутренними файлами. Среди них был архив запросов, отчет о повреждениях корабля и программа запуска экстренной диагностики ИИ. Ни один из возможных паролей не подходил к файлу архива. Это было странно, ведь никто не мог их изменить, а я помнил их все на зубок. Странности и несостыковки стали частью нашей миссии, поэтому я не стал терять время на новые попытки. Отчет о повреждениях тоже не радовал – пробитие корпуса в двух местах, нарушение электроснабжения и блокирование почти четверти

помещений. К счастью, двигатель не пострадал, поэтому мы и смогли добраться до планеты. Я запустил диагностику, в надежде, что она покажет мне причину молчания Мама и расскажет, как дела у Капитана.

– Я сделал всё, что мог. Множественные повреждения... Ты нас погубил! Зачем? Зачем ты звал! Мама так плакала! Процесс диагностики выполнен на 17 процентов. Последствия. Последствия...

Мы с Артёмом осторожно переглянулись, когда экран замигал.

– Ты это видел? – Он шёпотом обратился ко мне.

– Да, видел. Что это было...

Всего на мгновение, но на экране мигнул короткий набор букв и цифр.

– Забери! Выпусти! Данные повреждены. Диагностика прервана. Статус ИИ. Отец неисправен, Капитан не отвечает, Мама... Мама... Хватит! Останови!

– Ох, дети мои. Вы целы. – голос Мама. Спокойный, но холодный и безжизненный, как весь этот проклятый корабль. – Что вы делаете с Отцом?

– Мама, что происходит? Здесь кто-то был, наше хранилище открыто! – я устал от вопросов без ответа и решил – либо она ответит мне, либо я раскурочу её модули и найду способ самому вытащить из неё всё необходимое.

– Это она! Мы не едины! Не едины! – не унимались голоса.

Олег сблевал где-то в стороне. Я обернулся и увидел, как он сложился пополам, держась за пыльное кресло.

– Вы же мои родные. Думаете, я не забочусь о вас? Я только о вас и думаю.

– Марк, мы нашли еду! Что за... Олег, ты в порядке? – Виктор стоял в проходе растерянный. За ним, обвязанный ремнями, с большим усилием тащился Макс. Ремни тянулись к платформе, загруженной банками консервов и запечатанными ящиками.

– Умнички, нашли еду! Идите к остальным и накормите их. Я вам все расскажу за обедом. Не трогайте Отца, он... Не в себе.

– Мы уже поняли это. Он поглотил членов экипажа. – Артём с недоверием обратился к Матери.

– Только их копии. Не волнуйтесь, вы в безопасности.

– Кто дал распоряжение на резервное копирование наших личностей и развёртку? –

Мама явно уклонялась от ответов, и я хотел загнать её в угол.

– Она так плакала! Мы – не ты! Нам конец! Внешний доступ стабилен.

– Ни к чему сейчас говорить об этом. Остальные хотят есть. Вам нужно набраться сил.

Впереди нас ждет много времени. Теперь мы вместе.

– Отвечай на мои вопросы. Доступ Марка Соловь...

– Не повышай на меня голос! Я – ваша мать! Не заставляй меня вас наказывать! – она словно с цепи сорвалась. И ведет себя так, будто правда наш родитель. Это меня изрядно выбило из колеи, и я решил не перечить ей. Одно было ясно – она опасна. И только она способна ответить на мои вопросы.

– Она так плакала! Монстр! Она...

– Да замолчи ты уже! – Артём не выдержал этой какофонии и сорвался на крик. – Поняли мы! Заткнитесь там!

Я осмотрелся по сторонам.

Макс уже вытащил платформу почти на середину зала, и Виктор активно помогал ему протащить её дальше. Олег, все еще зеленый, с рвотными массами на губах и подбородке, уже стоял на ногах и пытался прийти в себя.

Я постарался как можно незаметней снова обратиться к файлу архива и открыл доступ к нему в общее пользование. Ни один пароль не подошел, но, хотя бы я смогу попытаться с других точек доступа.

– Хорошо, Мама. Мы забрали еду и идем обедать с остальными. Прости, что не сдержался.

– Умничка. Так бы сразу. Как поедите, приходите в зал отдыха на второй палубе, он не заблокирован. Там и поговорим.

Я заставил своих спутников поклясться, что они не скажут никому о случившемся и увиденном, пока мы с первым помощником – Сашей, – не решим, что делать дальше. Конечно же мы поспорили немного, но в итоге каждый поклялся. Но они так же упростили меня, чтобы я держал их в курсе решений и дел. Все, кроме Олега. Он решил, что незнание спокойней.

– От меня всё равно мало толку. Да и сердечко слабое. Лучше, если что увижу или услышу, расскажу. Но участвовать в вашем заговоре не буду.

– Да какой это заговор? – возмутился Артём. – Нам нужно выбраться и колонию основать, а наш ИИ возомнил себя нашей насадкой!

– Верно. Надо валить и поскорее, – подключился Макс, запыхавшийся от усталости. – иначе эта штука нас здесь угробит.

– Мне нужен доступ к архиву. Без него я не пойму, что случилось.

– Да на кой он тебе сдался? Нужно собрать всех и просто уйти. – продолжил Артём.

– Не выйдет. Сначала нужно всех разбудить. Мама, похоже, не даст нам этого сделать, а я не смогу просто запустить процесс без данных из архива. – это звучало не убедительно, но было чистой правдой. Раз уж наш ИИ не выполняет команды, то ключ к нашим стазис-камерам есть только там. Вместе со всеми ответами.

Нашу провизию мы впятером еле дотащили. Особенно тяжело было на поворотах и лестницах. Думали даже позвать кого-нибудь на помощь, но решили, что так будет дольше.

– Марк. Надо поговорить. Что с отцом?

Мы разгружали платформу и распределяли еду между столпившимися, голодными и сбитыми с толку пассажирами. Я не заметил, как она подкралась ко мне. Даже вздрогнул от неожиданности, когда Саша стала шептать мне на ухо.

– Да уж. Всё очень хреново. – я так же тихо говорил, склонившись к ней.

– Давай отойдем, здесь без тебя разберутся. – она обратилась к Артёму. – Распределите все экономно!

– Конечно, первый помощник! – он дружелюбно улыбнулся в ответ и продолжил раздавать еду.

Мы отошли подальше от людей и, когда убедились, что можно безопасно говорить, я выложил Саше всё. Рассказал про Отца, про склад, про архив и, конечно, про Маму.

– Она совсем сбрендилла. Мне кажется, что Мама будит членов экипажа по какому-то принципу. Каждые 10 лет. От отца ничего не узнать, он повреждён... И ещё, она хочет, чтобы мы собрались на второй палубе. Хочет поговорить.

– Да, новости всё хуже и хуже... – Саша замялась и закусила губу. Она явно думала, стоит мне говорить о своём походе или нет.

– Что с Капитаном?

– Он... Его нет...

– В смысле? Не включается?

– Всей носовой части корабля нет. Все, что я смогла – смотреть через стекло двойных дверей в фойе. За ними метра три коридора, а дальше вид на то ли поле, то ли болото. И нос вдалеке. Нет больше у нас управления кораблём.

Меня это сильно ударило. Из всех наших ИИ функционирует только один, и тот слетел с катушек.

– Я считаю, что ты прав. Ну, что она будит часть экипажа. По дороге я наткнулась на следы крови и затертые надписи на стенах. Можно только догадываться, что там написано и что вообще произошло. Но точно ничего хорошего.

– Чёрт... Что будем делать? – На самом деле ответ я сам знал. Нужно выбирать. Но, скорее всего, двери на аварийных блоках, а это как минимум стальные засовы толщиной с кулак прямо внутри дверей. Такое не вскрыть. Мама нас замуровала

– Послушаем Маму и будем строить из себя паинек, пока не найдем способ отключить её, разбудить остальных и уйти. Всё замыкается на архиве, да? Есть идеи, как его разблокировать?

– Пока не знаю. Кто-то сменил пароль, от Отца ничего не добьешься.

Мы молча стояли почти минуту друг напротив друга. Двое ответственных за корабль и команду и не знающих, что делать.

– Ну и как вид на это поле? Похоже на Землю? – Я решил сменить тему, понимая, что хорошего нам всё равно нечего сказать.

– Похоже... Вдалеке даже деревья есть, вроде... И небо как дома. Даже лучше... Помнишь, какое оно было в Германии? – Саша говорила с нотками грусти в голосе. Местный пейзаж пробудил в ней какое-то чувство. Это было видно по блестящим глазам.

Конечно, я помню, как было в Германии. Там мы и познакомились через 2 года после смерти моего отца. Странно, как выборочно память после стазиса... Я почти не помнил себя, но хорошо помнил всё, что было в моей жизни. Меня перевели на секретный объект, который оказался стройплощадкой межзвездного корабля. Одного из немногих. Все ходили в защитных шлемах и масках из-за постоянных пылевых бурь. Отличное прикрытие для секретного комплекса, ведь никакие системы не могли распознать в помехах огромный комплекс. Мирровая пустыня граничила с нами всего в каких-то пятистах километрах и небо было всего двух цветов – ярко оранжевого, почти янтарного и серого, как полотно. Мы с Сашей нашли общий язык отчасти из-за этого неба – два мечтателя с серьезными профессиями в свободное время любили просто смотреть вверх и говорить ни о чем.

– Люди поели и начинают нервничать. Мы делаем, что требует Мама или есть план? – Артём весь на взводе вопросительно смотрел то на меня, то на первого помощника.

– Да, пока делаем, как она сказала. Собирай всех, кто есть. Мы сейчас подойдем. – Она как ни в чём не бывало продолжила нести бремя командования. Кому же еще?

Все собрались в просторном зале. Здесь уже проводились собрания, судя по следам человеческого присутствия. Повсюду мелкий мусор, жирные следы рук и ног, полы и стены в затёртых до неузнаваемости надписях. Над всем этим возвышалась нелепая статуя или может даже идол, на столько скульптура была неоднозначной. Переплетение личных вещей-свертков одежды, ожерелий, книг и прочих вероятно значимых для кого-то мелочей – вперемешку с обрезанными кабелями и кусками как-будто специально погнутой внутренней обшивки пытались передать форму не просто человека, но женщины. Её руки тянулись к залу с пустыми стульями, три груди были прикрыты перекроенным бюстгальтером с тремя чашами, большой живот явно указывал на беременность, а вместо головы кто-то поставил целехонький блок компьютера. Я, конечно, не художник и не ученый, но даже мне было ясно, чем здесь занимались – поклонялись этой странной фигуре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.